

Ы ТТЫ ГЫРГЫН

К.А.ТЕРИНА

К. А. Терина

Ыттыгыргын

«Издательские решения»

К. А. Терина

Ыттыгыргын / К. А. Терина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740199-3

В альтернативном мире, устроенном согласно представлениям физики XVII — XIX веков, где пространство заполнено эфиром, а термодинамическими реакциями управляет флогистон, паровые технологии достигли расцвета. Британские подэфирные пароходы осваивают Млечный Путь, на задворках которого притаился неведомый враг.

ISBN 978-5-44-740199-3

© К. А. Терина
© Издательские решения

Содержание

Капитан Удо Макинтош беседует с доктором Айзеком Айзеком	6
Несчастный случай в эфире («Таймс», 12 февраля 1892)	10
Умкэнэ3 осматривается	11
Выписки из дела №813 об «Инциденте 10 февраля 1892 года» (12 февраля – 23 сентября 1892 года)	13
Капитан Удо Макинтош встречает гостя из прошлого	14
Удивительные новости с Севера (Журнал Королевского географического общества, июнь 1892 года)	17
Умкэнэ наедине с Маленькой Тьмой	18
Выписки из дела №813 об «Инциденте 10 февраля 1892 года» (12 февраля – 23 сентября 1892 года)	20
Капитан Удо Макинтош не умеет удивляться	21
Эн Аявака изучает внутренний мир капитана Удо Макинтоша	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ыттыгыргын

К. А. Терина

Иллюстратор К. А. Терина

Дизайнер обложки К. А. Терина

© К. А. Терина, 2019

© К. А. Терина, иллюстрации, 2019

© К. А. Терина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-0199-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ыттыгыргын – охота (здесь и далее – перевод с луораветланского)

Капитан Удо Макинтош беседует с доктором Айзеком Айзеком

19 мая 1904 года «Бриарей», несколько дней неспешно скользивший вокруг Наукана, проснулся. Воздух наполнился вибрацией, которая проникала в легкие и оставалась там особенной эйфорией. С шипением и треском полетели по проводам сигналы телеэлектрофона, понеслись по коридорам томми-вестовые.

На первой палубе томми-стюарды выстроились в ожидании пассажиров, которых вот-вот должен был доставить портовый *умаяк*¹.

Цезарь сидел у трапа, высунув рифлёный проржавевший язык. Пластинчатые бока пса мерно вздымались, ноздри едва заметно травили пар. Изредка Цезарь нетерпеливо переступал передними лапами, скрипел металлом когтей по решётчатой поверхности пола. Звук выходил прескверный, но приструнить пса умел только капитан. А капитану было недосуг.

Капитан Удо Макинтош стоял чуть в стороне и беззвучно боролся с лихорадкой. Хроническая болезнь обнаружила себя накануне вечером: в глазах капитана потемнело, руки начали неудержимо дрожать, а в солнечном сплетении поселился беспокойный птенец. Макинтош сейчас же, следуя рецепту доктора Айзека, выпил горячего молока и постарался уснуть. Сон, однако, не шёл всю ночь. Наутро Макинтош не мог с уверенностью сказать, спал ли он хоть мгновение.

Молоко не помогло, как не помогало оно никогда раньше. Лихорадка крепко впиалась когтями в Макинтоша и без спешки, с наслаждением пожирала его изнутри. Макинтош беспрерывно дымил теперь вишнёвым табаком из пенковой трубки с длинным тонким мундштуком. От курения здорово мутило, зато боль притуплялась, птенец в солнечном сплетении как будто делался меньше и тише.

Будучи внутри вымотан и нездоров, снаружи Удо Макинтош имел вид самый мужественный: бледное лицо, украшенное аккуратными усами, выдающийся подбородок, отполированные ногти, парадный мундир.

Капитан полагал своим долгом всякий раз встречать пассажиров лично. Обыкновенно это не составляло труда: сразу с холода они бывали заторможены и необщительны. Макинтош с любопытством даже наблюдал, как проплывают мимо снобические, безэмоциональные лица.

Но в этот раз Макинтошу не терпелось приступить к погружению. На изнанке хроническая болезнь его ослабляла хватку, а то и отпускала вовсе.

Рядом с капитаном стоял доктор Айзек Айзек. Был Айзек стар, сед, ростом невысок, притом сутулился. Всякая эмоция мгновенно находила выражение на его морщинистом лице. Глаза, увеличенные толстыми стёклами очков, смотрели проницательно, цепко.

– Вы никогда не задумывались, капитан, отчего они раз за разом туда возвращаются?

– Вам это удивительно, Айзек?

– А вам разве нет? Уж вы-то лучше прочих понимаете в этом вопросе.

Капитан посмотрел на Айзека оценивающе.

– Бесчеловечная процедура, – продолжал тот. – Никак нельзя к ней привыкнуть.

Вот оно что, понял капитан. Доктор намекал всего лишь на *онтымэ*².

Макинтош никогда не покидал «Бриарей» в Науканском порту. И команда полагала причиной тому онтымэ – луораветланский напиток, без употребления которого ни один британец не мог сойти на холодную северную землю. Макинтош не считал нужным отрицать свою непри-

¹ Умаяк – большая лодка

² Онтимэ – спокойный, негромкий

язнь к луораветланской химии. Это было простое и доступное пониманию матросов объяснение. Онтымэ не любил никто. Колющее зелье обжигает пищевод и желудок, проникает в кровь и надёжно обволакивает сердце глухой ватой. Будто самую душу отравили анестетиком. Всё так, совершенно бесчеловечная процедура. Но у Макинтоша были другие причины не любить Наукан. Настоящие причины, о которых он не хотел и не мог говорить.

– Не припоминаю, чтобы вы отказывались от увольнительных, Айзек.

– Верно, не отказываюсь. Но всякий раз боюсь. Знаете, я когда вкус отравы этой чую – тотчас перед глазами пароход «Фараон». И мысль: а ну как обратного пути не будет?

– «Фараон»?

Айзек снял очки с толстыми стёклами и стал их протирать огромным ярко-жёлтым платком. Лицо его при этом сделалось задумчивым и беспомощным.

– Полвека тому довелось мне, мальцом ещё, служить на Пемброкской верфи в команде ныряльщиков. Жаль, капитан, не застали вы тех времён. Заря эфирного пароходства. Всё в новинку, всюду открытия... – Айзек помолчал, глядя куда-то мимо Макинтоша. Мыслью он был далеко.

– Однажды случилось нам поднимать с изнанки смитовский «Фараон», который за год до того только был спущен в эфир. Что за пароход! Нынешним-то не чета, но по тем временам был форменный сокол. Это когда со стапелей спускали. А вернулся...

– Призраком?

Айзек кивнул. Призраками издавна звали пароходы, затонувшие в быстрых подэфирных течениях.

– Именно. Несколько месяцев на изнанке. Команда исчезла, ни капли флогистона в баках – всюду только лёд. Вообразите кусок чёрного льда размером с пароход. Мёртвый, пустой. Страшный. Я не мог отвести от него взгляда. А как поднялись в эфир – ни следа. Знаете, ведь лёд тогда таял мгновенно...

– Я знаю, Айзек.

Даже двенадцать лет назад чёрный лёд был абсолютно неустойчив в эфире. На глубине, под эфиром, он сразу себя показал, ещё во времена ван Дреббеля. Агрессивный и злой в родной стихии, лёд укутывал зазевавшиеся пароходы непроницаемым покрывалом, полз по стенам, тянул щупальца во все щели, занимал собой пространство. Медленный убийца – так звали его моряки. Но стоило подняться в эфир, лёд мгновенно таял, будто что-то не выпускало его с изнанки. Так было, пока однажды — 11 февраля 1892 года – пароход «Спайси» не пришёл в порт с оледенением на киле. Оно продержалось не более получаса, прежде чем окончательно растворилось в эфире – вроде бы ерунда, аномалия. Но с каждым годом, с каждым новым пароходом, понимающимся с изнанки, лёд сохранялся в эфире всё дольше. Сейчас официальный рекорд устойчивости льда был что-то около пяти часов.

– По сотне раз за год мы проскальзываем через пасть самого дьявола. Но стоит немного задержаться, переступить невидимую границу дозволенного, и обратного пути не будет. Понимаете, куда я клоню? Онтымэ для человека – всё равно, что для парохода погружение под эфир. Одно дело пробыть на холоде несколько часов, совсем другое – жить в нём месяцами. Всякий раз боюсь, что уже не буду прежним.

– Видимо, не слишком боитесь.

Но мрачное настроение уже покинуло Айзека.

– А и на «Бриарее» беспрерывно сидеть по вашему примеру тоже никак не возможно. Да и, знаете, за врагом присмотр нужен.

Айзек достал из кармана кулёк с мятными мишками, предложил Макинтошу – тот отрицательно качнул головой.

Луораветланов доктор Айзек не любил категорически. «Попомните мои слова, – говорил он, – этот тихий омут однажды нас удивит пренеприятно».

Тихим омутом Наукан, конечно, не был. И ещё двенадцать лет назад луораветланы так удивили британцев, что большего и не требовалось. Страшная та история сразу же сделалась государственной тайной, которую Макинтош предпочёл бы никогда не знать. Но он не только знал, он сам был частью этой тайны. Единственным выжившим свидетелем «Инцидента» – таким аккуратным словом в официальных бумагах обозначали мучительную смерть пассажиров и команды парохода «Клио».

Раздался звонкий шум шагов – по телескопическому трапу спешил старший помощник Джим Кошки, прибывший на умаяке вместе с пассажирами. Когда он предусмотрительно по широкой дуге обогнул Цезаря, тот утробно заворчал – издавна пёс испытывал к старшему помощнику сложные чувства.

Кошки был невысок ростом, лыс головой, веснушчат лицом и руками. Обыкновенно хмурый и замкнутый в себе, после визитов в Науканский порт он делался суетлив и разговорчив: луораветланский отвар специфически действовал на организм старшего помощника.

– Прибыли-с, – доложил Кошки.

Капитан холодно кивнул. В нынешнем своём болезненном состоянии он воспринимал суетливого Кошки как назойливое насекомое, от которого хотелось избавиться решительно и бесповоротно. Макинтош в очередной раз подумал, что Кошки, верно, ухитряется тайком курить лёд. Больше и некому курить лёд на борту «Бриаря», кроме Кошки. Но поймать его за руку не удавалось.

– Сейчас в порту уморительное действо наблюдал, – интимно зашептал Кошки. – Канис наш, представьте, луораветланского детёныша выгуливал. Икскурсия! Детёныш обо всякой вещи подробно интересуется, всюду нос свой любопытный суёт, а Канис следом ходит, смотрит вухухолью, только что не рычит.

Капитан помимо воли усмехнулся.

– Вы, Кошки, замечательно рассказываете, – похвалил Айзек. – Я всю картину очень живо себе представил.

Комендант британского порта на орбите Наукана, Тиккерей Канис, искренне полагал себя хозяином Земли Науканской, луораветланов считал за дикарей и относился к ним с изрядной долей высокомерия.

Дикари же с некоторых пор повадились привозить на экскурсии по порту юных луораветланов. Визиты эти раздражали Каниса, но инструкции недвусмысленно предписывали ему в разумных пределах удовлетворять любопытство туземцев, самому быть обходительным и гостей не обижать.

Потянулись пассажиры, и Цезарь шумно повёл носом, поднялся на четыре лапы, готовый работать.

Многообразие красок больно ударило по глазам. С каждым годом одежда луораветланских британцев всё больше напоминала маскарадные костюмы. Это был ответ холоду, который пожирал их изнутри и снаружи. Разве что упрямые дипломатические старушки оставались верны мрачным нарядам полувековой давности – по закону инерции. И, конечно, слуги – держась позади, они только подчёркивали строгим платьем этот безумный калейдоскоп.

Под неодобрительными взглядами слуг-людей отдельным ручейком справа двигались томми-носилыщики с чемоданами и коробками.

Огромные, неуклюжие, они боязливо проходили мимо Цезаря. Пёс жадно обнюхивал каждого томми и его груз, коротким деловым рыком подгонял двигаться быстрее.

– Очень уж суров, – проворчал Кошки. – Мозес намедни сетовал. Говорит, у томми паротводы рогулькой свёртываются – от переживаний-то.

– Ай да Мозес! – восхитился капитан. – Джим, если не прекратите эдаким анекдотам верить, скоро без белья останетесь. Не говорите, что Мозес выпросил у вас денег на новые паротводы...

Кошки смолчал, но по лицу его видно было, что денег коварный Мозес выпросил.

Случались в толпе лица, знакомые по прошлым круизам. Таких Кошки шёпотом комментировал: «Ну этот ничего, помним-с» или «Ох, грехи мои тяжкие» или даже «Чтоб тебя фалафелью заело».

Его можно было понять: очень скоро эти спокойные, вымороженные люди, несколько месяцев проводившие в плену луораветланского онтымэ, сделаются непредсказуемыми, а иные – вовсе безумными. И страшнее прочих – старушки, которые раз за разом упрямо приобретают сложный любовный коктейль, заставляющий их на время круиза без памяти влюбиться – разумеется, в кого-то из команды.

– Но боится же, боится! – зашептал Кошки, указывая на одного из томми, – Посмотрите-с, экие финтипли выписывает, что твой цирк! Всё от страху.

Один из носильщиков и впрямь вёл себя странно. Заметив Цезаря, он сперва замер на месте, испуганно вращая головой, а потом стал двигаться влево, наперерез пассажирам. Видя такой непорядок, Цезарь утробно зарычал, и от звука этого томми обезумел: бросил чемодан на пол и со всей скоростью, на какую был способен, припустил по коридору мимо капитана. Макинтош почувствовал отчётливый запах гари и ещё один – сладковатый, неуловимо знакомый.

Цезарь возмущённо зашипел паром и двинулся следом за нарушителем. Шёл он без спешки, то и дело поглядывая на капитана, как бы спрашивая разрешения. Кошки отступил назад, когда пёс поравнялся с ним. Между тем, у трапа начался затор: один за другим останавливались носильщики, ожидавшие санкции Цезаря на проход. Рядом с брошенным чемоданом топтался растерянный и напуганный владелец. К нему спешил заботливый стюард в сопровождении исправного носильщика.

– Цезарь, извольте вернуться, – тихо сказал капитан.

Цезарь приостановился, но возвращаться не спешил. Что-то влекло его за несчастным томми. Возможно, охотничий азарт.

Во всяком неисправном томми включался инстинкт, который даже на последнем пару вёл его напрямик к машинисту-механику Мозесу. Инстинкт этот был надёжно вшит в механизм и редко давал сбой, потому присмотр Цезаря сломанному носильщику не требовался.

В этот самый момент птенец лихорадки принялся решительно прогрызать себе дорогу наружу. Капитан едва удержался от болезненной гримасы.

– Назад, Цезарь, – столь недвусмысленно прозвучал приказ, что механическая логика пса не смогла ничего ему противопоставить. Цезарь неохотно возвратился к трапу.

– То-то же! Знай своё место! – неприятно прошипел Кошки себе под нос.

Капитан покосился на него неодобрительно.

– Кошки, догоните носильщика и проводите его к Мозесу, – сказал он. – Лично. Немедленно.

Кошки побледнел, услышав это унижительное поручение, но не сказал более ни слова, а поспешил по коридору вслед за обезумевшим томми. Айзек печально проводил его взглядом и философски заключил:

– Пусть неуклюжий томми будет самой большой нашей бедой.

Макинтош не слушал его. Не помогал больше табачный дым – птенец бесновался в солнечном сплетении, когтями и клювом врезаясь в нервный узел. Болезнь, подаренная луораветланами, прогрессировала.

Несчастный случай в эфире («Таймс», 12 февраля 1892)

11 февраля при выходе в эфир потерпел крушение пароход «Клио». В результате столкновения с неопознанной лодкой, трагически погибла вся команда (в том числе – капитан Питер Дьюринг) и один из пассажиров – юная Марта Макинтош. Наши соболезнования семьям погибших.

Умкэнэ³ осматривается

Спать нельзя.

Только не сейчас.

Мити дурно от густых цвето-запахов, и она едва держится под натиском снотворного, которое вколол ей томми.

Пока плыли на умаяке, Мити, запертая в металлическом брюхе томми, думала, что хуже и быть не может. Прежде она имела дело только с портовыми томми, почти бесцветными, никогда не видевшими изнанки – ничего примечательного. Не таков томми-похититель. Старый металл его хранит отпечатки многих путешествий, потёки британских эмоций, ржавые пятна, оставленные изнанкой. Но самое страшное прячется у него в голове. Маленькая Тьма. Недобрая и любопытная, она ещё в умаяке тянула к Мити свои робкие пока щупальца. Мити сопротивлялась, лавировала в волнах цвето-запахов и чувствовала: совсем немного – и силы оставят её.

Здесь, на «Бриаре» она поняла, что всё только начинается.

Цвето-запахи – крепкие, душные – обступили Мити плотной стеной, и спрятаться от них невозможно. Она чувствует каждого пассажира на борту. И каждого, кто бывал здесь раньше. Мити тонет, захлёбывается в сотнях, тысячах британских цвето-запахов. Никакие встречи с онтымэ не сравнятся с таким. И Тиккерей Канис, который ещё пару часов назад страшил Мити, и весь британский *ытвынпэн*⁴ и даже томми-похититель теперь кажутся снежно-белыми и мягко-морозными – по сравнению с нечистым пароходом. В глубине которого прячется, зовёт, манит Большая Тьма – такая же чёрная и злая, как та, что притаилась в голове томми-похитителя. Только в тысячи раз больше и сильнее.

Большая Тьма знает о Мити. Ждёт. Жаждет. Чёрное её внимание смешалось с духовой цвето-запахов и давит непереносимо. Сердце Мити колотится птицей-камнем, угодившей в сеть птицелова.

Нужно расслабиться, как учила Аявака. Отпустить *эйгир*⁵, раствориться, сделаться прозрачной. Позволить цвето-запахам проходить сквозь себя, не оставляя следа. Это очень здорово звучало на словах. И неплохо получалась с тихими онтымэ в порту. Но здесь... Кутх свидетель, она старается!

Разрывая плотный ковёр цвето-запахов, в общую мозаику проникает новый тон, густой, почти такой же тёмный, как Маленькая Тьма.

– Стой, стой, дурачок. Иди к папочке.

Британец. Трухлявый и чёрный изнутри – мёртвое дерево, захваченное термитами.

Томми останавливается. Со скрипом отворяется дверца, впуская неяркий свет. Мити крепко зажмуривается, притворяясь спящей. Совсем не сложно. Сложнее не уснуть – снотворное всё крепче стискивает её сознание в своих мягких объятиях, наполняет голову солёным песком и ведёт куда-то в белую пустоту. Нет. Спать нельзя.

– Кто тут у нас? Ну-ка?

Чёрный британец заглядывает в нутро томми, где свернувшись калачиком, устроилась Мити. И она слышит пропитанный трупным ядом, как копальхем⁶, запах его мыслей.

Британец прикасается к ней раз, другой и, уверившись, что Мити спит, запирает дверцу. Он доволен. Осторожно шевельнув *эйгир*, Мити чувствует, как изумрудно-амбровое его удо-

³ Умкэнэ – маленький ребёнок, медвежонок

⁴ Ытвынпэн – причал, порт

⁵ Эйгир – чувство, чувствовать, чувствительный

⁶ Копальхем – деликатесное блюдо, сырое мясо, несколько месяцев пролежавшее под гнётом

вольствие катится по чёрной паутине туда, где прячется непроницаемая Большая Тьма, голодная и уставшая ждать. И британец, и томми, внутри которого заперта Мити, отправляются навстречу этой Тьме.

Выписки из дела №813 об «Инциденте 10 февраля 1892 года» (12 февраля – 23 сентября 1892 года)

...проведено исследование напитка, называемого луораветланами «онтымэ». Удивительно, какая высокая научная культура (под наукой мы имеем в виду, прежде всего, биохимию) соседствует с наивными, типично первобытными реакциями и суждениями о мироустройстве (см. доклад проф. Э. Тайлора от 26 августа сего года). «Онтымэ» представляет собой тончайший нейротрансмиттерный ингибитор, действующий мягко и практически без побочных эффектов. У некоторых испытуемых наблюдается ухудшение координации движения в сочетании со снижением контроля над речевой активностью...

Капитан Удо Макинтош встречает гостя из прошлого

Сон пришёл – больной, рваный, с кляксами чёрных дыр и синими электрическими молниями. Сон плакал кошачьими голосами, и Макинтош, не бывавший в Лондоне почти десять лет, мучительно вспоминал, не запер ли кошек Марты в уютном пригородном коттедже, который должен был стать семейным гнездышком – его и Марты, – но так и не стал. Глубокими потоками, без парохода и команды, капитан плыл под эфиром, сердце замерло, ожидая страшной беды. Он плыл в Британию, в маленький пряничный домик, где – если верить обрывкам голосов – его ждали кошки, одна из которых – Марта. Макинтош смотрел на свои руки и понимал, что они сделались чёрным льдом, и льдом становится он весь, и его сердце, и мысли.

Капитан проснулся от стука в дверь. Руки и ноги его ужасно замёрзли, он всегда очень мёрз, если забывал укутаться как следует. Проблемы с кровообращением – так говорил доктор Айзек.

– Войдите!

Распахнулась дверь, в каюту, тяжело шагнул томми. Цезарь чуть слышно заворчал, просто чтобы обозначить своё присутствие.

– Что у вас? – капитан повернул клапан газового рожка, чиркнул спичкой.

В груди у томми щёлкнуло, застрекотало, из узкого отверстия полезла телеграфная лента. Томми оторвал её, протянул капитану.

«Луораветланский *каяк*⁷. Капитан лично».

Макинтош взглянул на часы и похвалил себя за принципиальность, граничащую с прозорливостью. Никаких инъекций пассажирам до погружения. Точка. А до погружения оставалось два часа. Британские пароходы никогда не рвали ткань эфира рядом с Науканом, в точности соблюдая условия договора двенадцатилетней давности.

Мысли Макинтоша, ещё сонные и медленные, путались и расплывались. В груди тревожно шевелился птенец лихорадки.

Луораветланы терпеть не могли британские пароходы. Это выглядело так, будто им физически неприятно находиться на борту подэфирных монстров. Так что – какова бы ни была причина их визита, причина эта была чрезвычайно важной. По крайней мере, для луораветланов.

Капитан поборол искушение заглянуть в навигационную рубку, вспомнив, что сегодня дежурит Кошки. «Бриарей» спал, коридоры были пусты, только за спиной слышались скрипучие шаги Цезаря.

Томми у шлюза не было – к лучшему, подумал Макинтош. Капитану не удавалось искренне считать томми полноправными матросами, потому рядом с ними он чувствовал себя неловко. Иногда Макинтош задумывался, где проходит граница между машиной и живым существом. Цезарь в капитановой иерархии занимал место, равное местам офицеров. А между тем пёс был родным братом механических томми, хоть и ручной работы.

Макинтош сам отжал рычаг и закрыл глаза, слушая, как разворачивается телескопический трап навстречу каяку.

Послышались шаги – настолько мягкие и тихие, что чувствительные стены трапа не давали эха. Коридор мгновенно заполнился знакомым терпким запахом – приятным и тошнотворным одновременно.

– Удо Макинтош, – прошелестел луораветлан. – Мне имя эн Аявака.

Капитан открыл глаза.

⁷ Каяк – лодка

Эн – означает шаман, Аявака – женское имя. Двенадцать лет назад Макинтошу пришлось встречать луораветланских шаманов. Это были древние упыри, седые и беззубые. Морщинистые их лица казались масками.

Не такой была Аявака. Совсем юная, лет семнадцати по британскому счёту. Густые чёрные волосы заплетены в две толстые косы длиной ниже пояса (где-то в волосах прятались невидимые обычно нити, что-то вроде вибрисс – эйгир, как звали их сами луораветланы). Бледное лицо. Одета в традиционной для луораветланов манере – в тёмный дорожный керкер, сшитый из мягких шкур и отороченный сине-серым мехом. Через плечо перекинут небольшой тулун⁸.

– Мы знакомствы, Удо Макинтош.

Лишь прожив на Земле Науканской несколько месяцев, а то и лет, британцы начинали кое-как различать их лица – круглые, невозмутимые. Макинтош никогда не спускался на Наукан, никогда не изучал луораветланов в поисках эфемерных различий. Бездушные функции, правильное обращение с которыми приведёт к нужному результату – такими предпочитал их видеть Макинтош.

Но это лицо намертво врезалось в его память грубым отпечатком. И, конечно, имя.

Маленькая девочка Аявака – с узкими щёлочками глаз, в чёрных зрачках которых спряталась холодная науканская ночь.

Двенадцать лет. Удивительно. Одновременно – удивительно недавно и удивительно давно. В прошлом веке. Вчера. Двенадцать лет его жизни в аду. И девять человек, умерших в одну минуту по вине чужеземного ребёнка.

Макинтош жадно всматривался в её лицо. Она выросла, но совсем не изменилась. Всё та же простота, наивность во взгляде.

Надо же, шаман.

– Не стану обманывать, будто рад встрече.

– Не нужно обманов, Удо Макинтош, – поспешила успокоить его гостя.

И я не изменился, мысленно убеждал себя Макинтош, и я всё тот же. Всё так же хочу уничтожить её, стереть. И за эту простоту, за наивность, за робкую улыбку ненавижу ещё больше. Её ненавижу и всех их.

Он убеждал себя, но убедить не мог. Ненавидел, да – рассудком и памятью. Но чувства не отзывались, не поднималась яростная волна, требующая действий. Макинтош был холоден и спокоен. И чем тогда, спрашивается, он лучше томми, если не способен даже на ненависть?

– Можете звать меня капитаном.

– Капитаном, – послушно кивнула она. – Я пришла сама, своим... своей персоной, чтобы избежать беду.

Для луораветлана Аявака хорошо складывала слова. Капитан непременно удивился бы этому, не разучись он удивляться двенадцать лет назад.

Аявака смотрела ему прямо в глаза – серьёзно, даже мрачно.

– Похищение и тайная движение на пароход. Умышление зла.

Как будто абсурдный сон продолжался, набирал обороты, закручивался в тугую спираль с острыми краями. Реальность плыла.

Похищение? Макинтош припомнил, как, вернувшись из увольнения, юный Фарнсворт хвастался деревянной, крошечной совсем, статуэткой Кутха, которую выменял у доверчивого оленевода. Неужели, дело в ней?

– Опишите украденный предмет. Мы сделаем всё, чтобы вернуть его владельцу.

– Умкэнэ, именем Мити, – сказала Аявака и для убедительности провела рукой по воздуху, как бы отмечая рост невидимого ребёнка.

Надежды на спокойный рейс окончательно растворились в холодном эфире.

⁸ Тулун – кожаный мешок

Может быть, это действительно сон, с надеждой подумал Макинтош, – один из тех, что снились ему двенадцать лет едва ли не каждую ночь. Сам себе ответил: нет, не сон.

Умкэнэ – луораветланский ребёнок – на борту корабля с сотней пассажиров. Невозможно поверить. Но и не верить никак нельзя. Луораветланы не умеют лгать.

Не понимая пока толком, как решать внезапную проблему, доверяясь инстинкту, Макинтош снял трубку телеэлектрофона, который висел на стене у люка и предназначен был для прямой связи с ходовой. Катастрофы не произошло. Пока. До погружения два часа, пассажиры спят. Можно поднять команду, спокойно обыскать пароход, убедиться что...

В динамике телеэлектрофона щёлкнуло..

– Капитан у аппарата! Дайте мне Кошки!

Щелкнуло снова, зашептало, затрещало.

Через мгновение треск сменился глухой тишиной. Капитан повесил трубку и снял снова. Ничего.

В этот самый момент послышалось шипение пара, затем – ритмичный скрежет. Макинтошу не нужно было оборачиваться, он знал этот звук: по всему пароходу заработали автоматические механизмы затворных люков, медленно отрезая отсеки друг от друга. Схлопнулся трап, со щелчком заблокировался шлюз.

Палуба под ногами вздрогнула, мир пошатнулся. Капитан зачарованно наблюдал, как одна за другой тускнеют лампы в коридоре и приближается тьма. Где-то внизу взвыли котлы, нагнетая флогистон в цистерны главного балласта. Пароход начал погружение.

Удивительные новости с Севера (Журнал Королевского географического общества, июнь 1892 года)

Напрасно кричат скептики, что в мире не осталось более сюрпризов, а удел будущих поколений – пожинать плоды исследований наших отцов.

На крайнем Севере Млечного Пути, на живописной снежной Земле Науканской обнаружена неизвестная доселе цивилизация, представляющая несомненный интерес для учёных всех мастей.

Луораветланы живут в суровом краю, но это мирное племя, добровольно пожелавшее сделаться колонией Британской Империи.

Для торговых сношений с новой колонией учреждена Норд-Науканская Компания, которая уже к концу следующего года обещает наладить регулярные подэфирные рейсы в Наукан.

Умкэнэ наедине с Маленькой Тьмой

– Я знаю, что ты не спишь, – шепчет Маленькая Тьма.

Британец с мёртвой душой привёл томми в свой *гыроёлгын*⁹ и ушёл, оставив Мити, запертую в тесном чреве механического носильщика. Мити долго не решалась двинуться, а только прислушивалась к затихающему пароходу.

Цвето-запахи почти исчезли, но Мити не рада этому. Дело не в том, что пароход вдруг опустел и очистился. Это снотворное наступает, по кусочку подчиняя себе сознание Мити. Мир уменьшился до размеров темницы.

Маленькая Тьма уже совсем смело тянется к ней из головы томми. Мити слышит, как Тьма плавится, превращаясь в вязкую жидкость, ползёт вдоль металлического позвоночника томми вниз, ближе, ближе.

Мити не боится Маленькой Тьмы. Почти. Та слаба и беспомощна, силы её тают, и она сама тает, делаясь всё меньше. Нужно только подождать, и она умрёт. Очень скоро.

Другое дело – Большая Тьма. Теперь она рядом, совсем близко, запертая, но не лишённая свободы. Крепкими невидимыми нитями паутины окутала она весь пароход. Большая Тьма, пустая и голодная, пока занята другими, более важными делами. Но Мити знает: ещё совсем немного, и Большая Тьма обратит внимание на неё. И тогда наступит настоящее «плохо». Нужно выбраться отсюда раньше, чем это случится.

– Я знаю, что ты не спишь, – повторяет Маленькая Тьма. Мити не отвечает. Последнее дело – отвечать Тьме.

А что если она сильнее, чем ты думаешь? Что если ты не сможешь сбежать? Что если ты уснёшь?

Мити решительно гонит глупые мысли. Маленькой Тьме осталось всего ничего, и она об этом знает. Вибрирует. Больше всего это похоже на дрожь. Тьма словно ждёт чего-то и серьёзно опасается, что не дожждётся. Она ждёт изнанку, известное дело. Изнанка вернёт ей силу.

Мити тоже ждёт. Ничем – ни мыслью, ни движением эйгир – не выдаёт она свою крошечную тайну: о лёгком каяке, который несётся вслед за медленным неповоротливым «Бриареем». На каяке, Мити знает это точно, спешит на помощь Аявака. Мити больше не видит каяк, не чувствует Аяваку, но знает: она близко.

Мити мотает головой, прогоняя предательские мысли.

Нельзя думать о Тьме, иначе она сделается сильнее.

Нельзя думать об Аяваке, иначе Тьма узнает о ней.

Потому Мити думает о томми.

Своих железных слуг британцы считают предметами неодушевлёнными. То же они думают о камнях, деревьях и животных. Слепцы. Британцы и в Кутха-то отказываются верить.

Мити слышит, как страдает искусственная душа механического томми, раздавленная Маленькой Тьмой. Мити думает о томми – ласково, умиротворённо, уважительно. Так она думала о белом медведе, выбираясь в его владения, и испрашивая разрешения на рыбную охоту. Томми не похож на медведя. Скорее – на маленького мальчика, запертого в тёмной комнате. Не плачь мальчик.

Где-то далеко, в другом мире, за границей тёмной комнаты швартуется каяк. Тихо-тихо, осторожно крадётся Мити невидимыми эйгир сквозь почти непроницаемый песок наступающего сна. Ей нужно знать, что Аявака близко, и капитан идёт ей навстречу. Капитан холоден как ночь. Эту мысль Мити прячет так глубоко, что даже сама её не слышит толком.

Видишь, мальчик-томми, Аявака уже здесь. А значит, всё будет хорошо.

⁹ Гыроёлгын – гнездо

– *Всё будет просто замечательно*, – шипит Маленькая Тьма. Она, оказывается, совсем рядом, затаилась и пристально следит за Мити. Слушает её.

Она знает про Аяваку, а значит, знает о ней и Большая Тьма.

Рычит, оживает, наконец, разгоняется в полную силу огромное механическое сердце парохода. Ещё немного – и «Бриарей» прорвёт ткань реальности, нырнёт в открывшуюся прореху и окажется глубоко на изнанке, где нет звёзд и нет власти Кутха. Где никогда не умрёт Маленькая Тьма, а будет крепко сторожить Мити для Большой Тьмы. Для Кэле.

– *Кутх мёртв*, – шепчет Маленькая Тьма и подползает ближе. – *Кутх мёртв, а я нет*.

Тьма совсем рядом, едва не хватает Мити за эйгир.

– *Впусти меня. Вдвоём нам будет хорошо. Мы станем править этим миром. Сами. Без Кутха. Ты и я.*

Маленькая лживая Тьма.

Мити чувствует дыхание изнанки. Она никогда прежде не ныряла под эфир, но от Аяваки знает, что её ждёт. Ещё немного, и она проиграет эту битву.

– *Ты уже проиграла*, – говорит Маленькая Тьма слабеющим голосом. – *Тебе не сбежать*.

Маленькой Тьме остались считанные минуты. Если она умрёт, у Мити появится шанс. Но и изнанка близко. Мити слышит, как трещит ткань эфира под килем парохода.

Тихонько, шёпотом, едва открывая рот, Мити поёт:

– *А-я-яли, а-я-яли, а-я-яли, Ко-о-оняй, а-ая-яли!..*

Выписки из дела №813 об «Инциденте 10 февраля 1892 года» (12 февраля – 23 сентября 1892 года)

«...защитная реакция, вызванная первобытным ужасом луораветлан при погружении в подпространство – на так называемую изнанку. Реакция эта, по словам представителей Наукана, присуща исключительно несовершеннолетним луораветланам и связана с недостаточным ещё контролем ребёнка над эйгир (см. записку проф. У. Джеймса от 13 марта сего года) – шестым чувством, связанным с интенсивным восприятием эмоционального фона...»

«... любопытный феномен, однако исследование его в ближайшее время не представляется возможным. Луораветланы категорически отказываются принимать участие даже в контролируемом эксперименте, связанном с погружением в подпространство. Мы не теряем надежды, что в будущем удастся...»

Капитан Удо Макинтош не умеет удивляться

Шли быстро, почти бежали. Первым Цезарь, следом Макинтош, за ним Аявака. Поднимались по решётчатым лестницам, останавливались перед затворёнными люками – тогда Макинтош крутил тяжёлый вентиль, отпирал люк. Пропускал Аяваку и Цезаря, запирали. Снова бежали. Цезарь шумно шипел паром и царапал когтями решётчатый пол. Пожалуй, механический пёс был самым эмоциональным существом из троих.

За двенадцать лет Макинтош смирился со своей душевной чёрствостью. Так иные люди не различают цветов. Или, например, имелся у Макинтоша знакомый – камберлендский маркшейдер, который после производственного происшествия научился понимать запахи: травмы не было, но переключился невидимый тумблер в голове, и человек почти полностью выпал из мира ароматов. С ним навсегда остался только запах ацетилена из карбидной лампы, которую он уронил перед началом обвала.

Похожее несчастье случилось с Макинтошем.

Целый год после трагедии на «Клио» ему решительно некогда было задуматься о подобной чепухе.

«Почему ты выжил?» – вот всё, о чём он способен был думать. Этот же вопрос без устали задавали ему многочисленные следователи.

Ответа не было.

Когда завершилось следствие, дело №813 было закрыто и опечатано, а Наукан без единой битвы признал себя колонией Британии – когда случились, наконец, праздные минуты в жизни Удо Макинтоша, он неожиданно и как-то вдруг осознал, что живёт в абсолютной эмоциональной тишине. Не стало грусти, не стало радости; исчезли сильные краски, растворились и оттенки. Восприятие сделалось монохромным. Макинтош научился смеяться. Только память о последней ночи с Мартой не покидала его – как запах ацетиленовой горелки на всю жизнь остался с камберлендским маркшейдером. Днём память была бледной и чужой – случайный фильм, просмотренный в кинематоскопическом салоне. Ночью память оживала в кошмарах. Тогда же он обнаружил в себе болезнь – странную лихорадку, которая в самый неподходящий момент могла вызвать каталептический ступор или уложить Макинтоша в постель на несколько дней.

Лучшие врачи диагностировали полное его здоровье и только разводили руками, неспособные понять причины такой беды. Должно быть, говорили они, всё дело в чрезмерной эмоциональной защите организма. Дайте ему время, юноша.

Но время не лечило.

Всякий раз, когда жизнь требовала от него эмоциональной оценки: улыбки ли, слов поддержки, гнева – Макинтошу приходилось математически вычислять необходимую реакцию.

Впервые за двенадцать лет этот механизм дал сбой: Макинтош не представлял, как стал бы реагировать на подобные пертурбации обыкновенный человек.

Они были уже рядом с ходовой рубкой, когда Макинтош остановился, сделал Аяваке знак остановиться тоже и взяться за поручень. Он слышал приближающуюся изнанку, как умеют её слышать только опытные моряки. Цезарь аккуратно сел рядом. У него были свои способы удержаться на месте. Почти тотчас же началась тряска.

– Сколько у нас осталось времени? – спросил Макинтош. Аявака не услышала, и он повторил вопрос.

– Кэле, – ответила Аявака. – Совсем близок.

Это прозвучало настолько же нелепо, насколько ожидаемо. Кэле. Этим словом луораветланы объясняли всякое зло. Плохой человек, убийца? Кэле попутал. Приснился жуткий кошмар? Кэле смотрел на тебя. Недоброе предчувствие? Кэле ищет тебя.

Даже своё отвращение к изнанке луораветланы отказывались объяснять заурядным первобытным ужасом перед чернотой без звёзд. И здесь лепетали они про Кэле.

Но капитан знал правду: ни одно чудовище, как его ни назови, не сравнится с маленьким луораветланским ребёнком. Сама Аявака была взрослой по науканским меркам и вроде бы научилась держать свои вибриссы – эйгир – под контролем. Но умкэнэ...

– К чёрту кэле! Долго ли продержится девочка?

– Мити сильная. Три десят, *кытэкэй*¹⁰...

Макинтош безнадёжно махнул рукой. Кытэкэй – это было всё что угодно. От двух минут до года. Какое-то время. Но «три десят» внушало некоторый оптимизм. Полчаса. Уже кое-что.

Двенадцать лет назад Аявака не выдержала на изнанке и десяти минут.

¹⁰ Кытэкэй – какое-то время

Эн Аявака изучает внутренний мир капитана Удо Макинтоша

Умбра, аир, этил, индиго...

Давно Аяваке не приходилось чувствовать себя так скверно. Аявака плывёт, теряется, падает и тонет. Она слушает пароход, во все стороны тянет невидимые эйгир. Это всё равно, что в полную грудь дышать в пещере древнего хищника. С каждым вдохом всё тяжелее и страшнее.

Мити нигде нет. Не отзывается ни мыслью, ни звуком. Тишина. Есть – британские цвето-запахи, пылью осевшие на стенах и забившиеся в самые укромные уголки парохода.

Есть – жадное внимание запертого Кэле, укутавшее «Бриарей» чёрной паутиной.

Британцы наивны – хуже юных *мэмылтэ*¹¹. Не просто идут в руки охотнику, а выпускают его в дом и дают оружие.

Капитан Удо Макинтош спокоен, как утренний снег. Разве что механически сжимает и разжимал правый кулак, более ничем не выдаёт своих чувств. Ни капли эмоций не расплескал наружу.

Эйгир Аяваки сами тянутся к капитану. Искушение велико: Аявака слишком хорошо знает, что ждёт её внутри.

Одёргивает себя: о чём ты думаешь? Хочешь, чтобы услышал Кэле?

Сульфид, цитрус, фуксия, охра...

Воздух узких пустых, будто вымерших, коридоров насыщен гулом и скрежетом. Пароход погружается всё глубже, и Аявака слышит, как царапает, сминает и рвёт он своим проржавевшим корпусом ткань эфира.

Капитан останавливается, показывает, что нужно крепко держаться за поручень. Аявака слушается. Стоять тяжелее, чем идти.

Чёрный, шафран, сепия, амин, ржавый, ваниль, индол, красный, циннвальдит... Палуба уходит из-под ног, размеренная вибрация меняется нарастающей тряской. Аявака держится за поручень, но её тащит по полу, и на ладони остаётся ржавая царапина. Кровь тотчас выдаёт её. Громоздкая любопытная тень накрывает Аяваку, отрезая от мира и британских цвето-запахов. Кэле. Аявака зажмуривается, эйгир её путаются, уклоняясь от чёрной тени. Кэле как будто отступает. Надолго ли?

Аявака открывает глаза. Капитан Удо Макинтош обернулся к ней, смотрит вопросительно.

– ...времени? – говорит он.

Аявака мотает головой. Не слышит.

– Я спрашиваю: сколько у нас времени? – Удо Макинтош кричит, но при этом остаётся равнодушным и холодным. – Умкэнэ – когда с ней это случится?

¹¹ Мэмылтэ – нерпы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.